

Ты в одиночку прячешься за искусственной горкой. Если бы Эр Тай упражнялся в стрельбе, тебя снова приняли бы за оленя и чуть не подстрелили? — Она помолчала. — Бдительность Эр Тая — это его служебный долг, а ты самовольно подглядывала и чуть не навлекла на себя беду! Если бы не быстрая реакция Эр Тая, не успей он вовремя сдержать силу, пострадал бы не он один!

Я знаю, что была неправа! Я... я больше никогда не посмею! — Сяо Яньцзы поклонилась, искренне раскаиваясь.

Цяньлун рассердился не только потому, что на плацу было опасно, а она совершенно не знала меры, но и потому, что её раны только-только зажили: — Ах ты, ах ты, и впрямь забыла боль, стоило зажить рубцу! Только что получила палками, а раны уже не болят, да?

Слушая извинения Сяо Яньцзы, Эр Тай почувствовал, как в груди шевельнулась жалость. С чего бы это? Сяо Яньцзы и вправду будто изменилась...

Цяньлун снова посмотрел на Эр Тая, и его тон стал мягче: — Ты так отчаянно защищал Императора... защищал принцессу, отреагировал молниеносно. Хотя всё было опасно, твоя преданность заслуживает похвалы. Эр Кан, проводи потом Эр Тая домой залечивать раны. Лекарь Ху, используй лучшие лекарства.

— Есть.

— Слушаюсь. — Лекарь Ху и Эр Кан поспешно ответили.

— Что до тебя, — Цяньлун снова перевел взгляд на Сяо Яньцзы, — три дня домашнего ареста в обители Шуфан, переписать Наставления для женщин десять раз, хорошенько подумай, что такое чувство меры!

— Переписывать книги, Отец-Император... — услышав, что ее собираются наказать переписыванием, Сяо Яньцзы внезапно захотелось заплакать. — Отец-Император, может, накажете меня как-нибудь иначе... Например, накажите меня, накажите меня заботиться об Эр Тае, искупить вину перед Эр Таем, только не заставляйте переписывать книги...

— Слово Императора нерушимо! — Цяньлун не был уверен в ней, повернулся и наказал Цзы Вэй: — Цзы Вэй, присмотри за ней, пока не допишет, не смей выпускать из обители Шуфан!

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Цзы Вэй поклонилась.

Сяо Яньцзы еще хотела вымолить прощение, но Цяньлун просто проигнорировал ее, окинул взглядом присутствующих, больше ничего не сказал, велел подать паланкин и удалился.

Лекарь Ху закончил перевязывать Эр Тая, дал наставления насчет запрещенной еды и

постельного режима, после чего забрал ящичек с лекарствами и откланялся.

Эр Кан тут же шагнул вперед и поддержал Эр Тая: — Я отвезу тебя в резиденцию.

Эр Тай кивнул, опираясь на поддержку Эр Кана, и встал. Из-за потери крови его шаг был немного нетвердым. Он снова бросил взгляд на Сяо Яньцзы и тихо произнес: — Не бойся, я в порядке. Сначала пиши книги, а как мне станет лучше, я приду тебе помочь.

Сяо Яньцзы подняла голову, ее снова переполнило чувство благодарности, а тысячи слов застряли в горле: — Прости... поправляйся...

Эр Тай выдавил из себя улыбку, чтобы успокоить Сяо Яньцзы, и вышел при поддержке Эр Кана.

Юн Ци стоял в стороне и наблюдал за этой сценой. Он видел нескрываемую тревогу и вину во взгляде Сяо Яньцзы, когда она смотрела на Эр Тая, видел бледный, но по-прежнему мягкий профиль Эр Тая. Странное чувство в его сердце становилось все отчетливее, впиваясь, словно тонкая заноза.

Он тоже ничего не сказал и последовал за Эр Каном, который провожал Эр Тая.

У Сяо Яньцзы голова шла кругом от всех этих забот... Ну вот, ее снова наказали переписыванием книги!

Послеполуденная обитель Шуфан была так тиха, что за окном лишь изредка доносилось щебетание птиц.

Сяо Яньцзы лежала ничком перед широким письменным столом из желтой груши, уперевшись подбородком в разложенную на столе бумагу сюаньчжи, и смотрела на раскрытые Наставления для женщин, а кисть в ее руке то и дело тыкала в тушь на тушечнице.

Капли туши брызнули в стороны, распустившись неряшливыми темными цветочками рядом с аккуратными, выверенными строчками текста о том, что смирение и слабость стоят на первом месте.

— Ах... эх... — Она тяжело вздохнула уже в какой раз за сегодня, и ее брови сошлись на переносице. — Отец-Император лучше бы меня палками отлупил! Палки поболят — и пройдут, а это переписывание... просто режет мне мясо ножом, будто меня предали какой-то там смертной казни, а...

Она скорбно взвыла и уткнулась лицом в сгиб локтя, оставив снаружи лишь взлохмаченную макушку, на которой жалобно покачивалась съехавшая набок шпилька из жемчуга.

К тому же прошлой ночью она почти не спала, утром пережила сильный испуг, а теперь, когда ее согрело заглядывавшее в окно теплое солнце, накатила тяжелая, непреодолимая волна усталости.

Буквы перед глазами заплясали и расплылись, веки становились все тяжелее...

— Отец-Император, помилуй меня... — Бормотание становилось все тише и тише, пока не перешло в ровное, едва слышное сопение.

Цзы Вэй вошла с красным лакированным подносом в руках и увидела именно эту картину.

Она на мгновение замерла, в глубине ее глаз промелькнула смесь беспомощности и умиления.

Она осторожно поставила поднос на круглый столик в стороне, взяла висевшую на спинке стула накидку из шелка цвета магнолии и предельно мягко накинула ее на хрупкие плечи Сяо Яньцзы.

Сяо Яньцзы бессознательно шевельнулась, потерлась о собственный рукав и погрузилась в еще более глубокий сон, но ее брови чуть хмурились даже во сне.

Цзы Вэй не стала сразу уходить. Она стояла у стола, ее взгляд задумчиво скользил по спящему лицу Сяо Яньцзы. За последние дни эта девчонка словно немного похудела, под глазами залегли едва заметные тени — очевидно, выспаться ей не удавалось.

Цзы Вэй отчетливо видела: перемены в Сяо Яньцзы за эти дни происходили во всем.

Раньше она старалась держаться от императрицы как можно дальше, а теперь смогла первой пойти на примирение. Пусть даже она использовала свои излюбленные бесхитростные уловки, но в ее взгляде стало меньше страха и появилось что-то сложное, почти заискивающее, похожее на желание сблизиться.

Этот поворот был слишком резким и неожиданным. Неужели та порка так сильно ее напугала? Но ведь это же Сяо Яньцзы, которая никогда и ничего не боялась...

А Юн Ци... С того момента, как она пришла в себя после порки, ее улыбка оставалась яркой, но в ней уже не было того безудержного, ослепительного сияния, с которым она прежде смотрела на Юн Ци. Разочарование, промелькнувшее тогда в ее глазах, хоть и было мимолетным, не ускользнуло от внимания Цзы Вэй.

А еще Эр Тай.

Сегодня на плацу — то, как Сяо Яньцзы смотрела на него, вся ее охваченная паникой тревога и

раскаяние, казалось, готовы были через край выплеснуться наружу.

Они оба выгораживали друг друга, скрывали правду, принимая удар на себя.

Это была не обычная вина или забота о друге. Это было... почти пугающее равнодушие.

Солнце неторопливо двигалось по небу, освещая половину лица Сяо Яньцзы так ярко, что были видны даже мельчайшие пушистые волоски. Она спала беспокойно, ее ресницы легко подрагивали, а губы беззвучно шевелились, будто ей приснилось что-то страшное: — Нет, Цзы Вэй...

Прошлой ночью она тоже в бреду звала кого-то и кричала «нет». Что же творится в ее снах?

Узел вопросов в сердце Цзы Вэй затягивался все туже. Ее сводная сестра казалась простодушной, как чистый лист бумаги, но стоило ей в чем-то убедиться, как ее упрямство и глубоко спрятанная чуткость превосходили все мыслимые пределы. Ее радость и печаль были так ярки, но ее тайны — словно пылинки в лучах полуденного солнца: их видно, но схватить невозможно, они ускользают.

Нельзя больше оставаться в стороне и просто наблюдать. Цзы Вэй подумала, что о чем-то стоит расспросить. Не из праздного любопытства, а чтобы во всем разобраться. Только поняв ее, она поймет, как защитить и помочь.

Она протянула руку и кончиками пальцев нежно убрала со щеки Сяо Яньцзы выбившуюся прядь волос, испачканную тушью. Движение было таким бережным, словно она касалась хрупкого фарфора.

Цзы Вэй взяла книгу, села на табурет рядом и стала терпеливо ждать, пока та проснется.

Солнце клонилось к западу. Сяо Яньцзы с трудом приподняла тяжелые веки, ее взгляд был растерянным, полным остатков сна, а на щеке отпечатались несколько красных полос от рукава.

— Цзы Вэй... — невнятно позвала она, подняла руку, чтобы потереть глаза, и случайно размазала по лицу чернильное пятно с пальца, став похожей на испачканную мордочку котенка.

Увидев ее в таком виде, Цзы Вэй не удержалась и прыснула со смеху, взяла свой чистый платок, смочила его чаем и аккуратно стерла следы с ее лица: — Только посмотри на себя, переписывая книгу, превратилась в чумазого котенка.

Тут Сяо Яньцзы окончательно проснулась. Вспомнив о наказании, которое назначил Отец-Император, ее личико тут же скривилось, и она с упреком покосилась на хаос на столе: — Цзы

Вэй, спаси мою душу... Это хуже, чем сидеть в тюрьме...

Цзы Вэй протянула ей чашку теплого чая, села рядом на вышитый пуф и как бы между прочим спросила: — На душе скребут кошки, вот и не можешь сосредоточиться на письме. Все еще думаешь о том, что было на плацу? Переживаешь за рану Эр Тая?

Сяо Яньцзы обхватила чашку обеими руками, чувствуя, как тепло передается через фарфор ладоням. Она опустила глаза, уставившись на плавающие в чае чайнки, кивнула, а потом покачала головой: — Переживаю... но не только.

— Не только? О чем же ты еще переживаешь? — Голос Цзы Вэй стал еще мягче, напоминая теплый весенний ветер. — Смотрю я на тебя эти два дня, а у тебя на душе будто целый груз. Или... — Она замолчала и тепло посмотрела на Сяо Яньцзы.

Сяо Яньцзы внезапно подняла глаза и встретила с ясным, все понимающим взглядом Цзы Вэй — казалось, этот взгляд видел насквозь всю ее растерянность, которую она прятала за шумным бахвальством. Она приоткрыла рот: — Мне приснилось... будто мы едем с Отцом-Императором за город, на ярмарку, вокруг столько народу, так шумно... И вдруг все смешалось, появились злодеи с ножами... Ты... ты была рядом с Отцом-Императором. И этот нож... такой длинный, блестящий, летел прямо на Отца-Императора... Ты... ты, не раздумывая, бросилась вперед... Столько крови... Цзы Вэй, ты истекала кровью... как бы я ни звала тебя, ты не отвечала... Пришел лекарь Ху, его руки дрожали... Он говорил... говорил, что рана слишком тяжелая...

Видя слезы, которые катились по щекам Сяо Яньцзы во время рассказа, Цзы Вэй почувствовала, как сжалось ее сердце. Она тут же прижала Сяо Яньцзы к груди, глядя ее по голове и успокаивая: — Это всего лишь сон, Сяо Яньцзы, ну будет, всё хорошо.

Сяо Яньцзы поджала губы и промолчала: она-то знала, что это не сон, а то, что наяву случалось в ее прошлой жизни.

— Сяо Яньцзы, — Цзы Вэй нежно и монотонно гладила ее по голове, пытаясь согреть теплом своих ладоней, — сны часто значат совсем другое, понимаешь? Если приснилось, что ты ранена, значит, наяву все будет в порядке и ты проживешь в мире и безопасности. Отец-Император — истинный Сын Неба, если он куда-то отправляется, его всегда сопровождает бесчисленная стража, да и мы будем предельно осторожны, не позволим злодеям задуманное осуществить.

Сяо Яньцзы яростно затрясла головой, и слезы снова закапали из глаз: — Этого мало... одной осторожности мало... Во сне тоже была стража, но все равно случилось худшее... Цзы Вэй, пообещай мне: если вдруг... если вдруг такое случится на самом деле, не бросайся вперед, спрячься, ладно? Пусть стражники защищают Отца-Императора, а ты береги себя, я умоляю тебя...

Ее мольба была такой жалкой и отчаянной, что сердце Цзы Вэй словно сжало невидимой

рукой, отчего заныло и зашипало. Она не могла представить, какой же жуткий, невероятно реалистичный сон мог так насмерть перепугать бесстрашную Сяо Яньцзы.

Но еще меньше она могла с легким сердцем дать такое обещание — если действительно настанет тот миг, когда острый клинок нацелится на Отца-Императора, разве сможет Ся Цзы Вэй отступить назад? Он ее отец, самый близкий человек, обретенный после стольких мытарств.

Но сейчас, глядя на то, как Сяо Яньцзы теряет самообладание, ей оставалось лишь подавить все сомнения и тяжесть в груди, утешая ее самым твердым тоном: — Хорошо, я обещаю тебе. Я буду беречь себя и со мной ничего не случится.

Цзы Вэй ненадолго умолкла: — Так ты утром отправилась к Эр Таю тренироваться из-за этого сна? Ты хотела освоить боевые искусства, чтобы защитить меня?

Сяо Яньцзы тупо кивнула: — Только вот опять все испортила...

Жгучая, щемящая волна подступила к самому горлу Цзы Вэй. Она изо всех сил зажмурилась, прогоняя влагу в глазах. Эта глупая девчонка, эта вечно несущаяся сломя голову, казнящаяся беспечной дурочка носила в сердце столь тяжелую, столь страшную тайну. — Если в следующий раз что-то случится, говори нам, будем справляться вместе, хорошо?

Немного погодя Сяо Яньцзы подняла голову с груди Цзы Вэй, кое-как утерла слезы с лица и озарила всех необыкновенно яркой улыбкой: — Тогда... Цзы Вэй, ты должна мне помочь.

— В чем помочь?

Сяо Яньцзы смущенно почесала затылок: — Цзы Вэй, если ты не поможешь мне с этими десятью разами Наставлений для женщин, я и впрямь...

— Ни за что, император велел обойтись без посторонней помощи. — Цзы Вэй беспомощно вздохнула. Только что та из-за какого-то сна рыдала маленьким ребенком, а теперь уже перескочила на это наказание в виде переписывания. Впрочем, это же была ее старая знакомая Сяо Яньцзы.

— Цзы Вэй, ты же так хорошо меня понимаешь... Ты же знаешь, что это хуже для меня, чем палки...

— Ни за что, ни за что, я не смею обманывать императора.

— Значит, тебе плевать, выживу я или нет...

— Кто велел тебе скрывать от меня все на свете? Должна сама все сделать...

— Ой, Цзы Вэй, я больше так не буду, милая Цзы Вэй, самая лучшая Цзы Вэй...

В обители Шуфан ярко горели свечи.

Сяо Яньцзы бросила кисть, бессильно откинулась на спинку стула и испустила полный облегчения долгий вздох: — Ах! Как же трудно, как же трудно, спаси меня, Цзы Вэй... — Она подняла слегка подрагивающую правую руку и скривилась: — Цзы Вэй, посмотри на мои пальцы, мне кажется, они мне больше не принадлежат, они собираются сбежать из дому!

Десять раз Наставлений для женщин... Сколько времени прошло, а Сяо Яньцзы не переписала еще и разу... Сяо Яньцзы со сложным выражением лица издала протяжный вопль к небесам: — Император на этот раз и впрямь беспощаден...

— И еще... три дня! Еще три дня сидеть под замком! — Она тут же поникла, прижавшись лицом к прохладной столешнице, и пробормотала глухим голосом: — Никуда не выйти, на лошади не покататься, к... не пойти... — Она резко осеклась, проглотив имя Эр Тая, но ее глаза тут же плутовски перебежали на Цзы Вэй, мгновенно наполняясь жалостливыми слезами, и она протянула: — Цзы Вэй~~~ милая Цзы Вэй~~~

Цзы Вэй сидела в стороне с платком в руках, спокойно вышивая, пока Цзиньсо помогала ей распутывать нитки.

Услышав это, Цзы Вэй даже не подняла головы, но уголки ее губ изогнулись в понимающей улыбке: — Прошел только первый день, а ты уже хочешь досрочно выйти на свободу? Но ведь у императора слово — закон, разве это шутки? Смотри мне, не вздумай снова выкинуть какую-нибудь дурацкую штуку, а то опять разгневаешь императора.

— Нет-нет, я буду послушно сидеть под арестом! — Сяо Яньцзы тут же подскочила, подбежала к Цзы Вэй и принялась раскачивать ее за рукав: — Я к тому... что сейчас-то мне все равно не выйти, но мое сердце... оно все время думает об Эр Тае... о его ране, понимаешь? Вот подумать только: ради меня он принял на себя такой огромный кровавый провал, если бы на том камне оказалась я, меня бы, наверное, насмерть занесло болью, выплакала бы все слезы, а то и вовсе истекла кровью и умерла... Как подумаю об этом, аж страшно становится... — Она изо всех сил потеряла глаза, пытаясь изобразить видимость испуга.

Цзы Вэй из-за ее раскачиваний никак не могла продолжить вышивку, беспомощно отложила шелк и взглянула на нее: — Ладно-ладно, и что же в итоге? Чего ты хочешь?

— Хе-хе-хе... — Глаза Сяо Яньцзы заблестели, она поняла, что дело сдвинулось с мертвой точки, и тут же ухватила за возможность: — Может... напишем письмо? Спросим, как заживает рана Эр Тая? Принял ли он лекарство? Хорошо ли спал? Сильно ли болит спина? А потом я попрошу Миньюэ и Цайся приготовить ему что-нибудь вкусное и отправить? — Она

загибала пальцы, вопросы сыпались один за другим, и в каждом сквозило неподдельное беспокойство.

Цзы Вэй с трудом сдерживала улыбку: — Разве мазь, которую император пожаловал тебе, испугавшись, что ты где-нибудь ушибешься, Сяо Дэнцзы не отнес давным-давно? Разве всё, что нужно было спросить и отправить, еще не сделано?

— Ну... но ведь за весь день оттуда не пришло ни весточки! — Нашла что возразить Сяо Яньцзы. — И этот Эр Кан тоже хорош! Эр Тай — раненый человек, а он даже весточку не передал! Вдруг ночью у него сильно заболело? Вдруг лекарство не помогает? Вдруг в резиденции ученого некому за ним ухаживать... или, может, ему захотелось каких-нибудь других сладостей? — Чем дальше она говорила, тем более убедительными казались ей собственные доводы.

Цзиньсо прикрыла рот рукой, тихонько хихикая: — Барышня, по-моему, если вы не поможете Сяо Яньцзы написать это письмо, она Наставления для женщин и за полмесяца не перепишет.

Цзы Вэй тихо рассмеялась и легко постучала Сяо Яньцзы по лбу: — Ах ты, вечно у тебя уйма хитрых оправданий. — Она подошла к письменному столу, аккуратно отодвинула исписанные листы с Наставлениями для женщин в сторону и расстелила чистый лист бумаги: — Ладно-ладно, помогу тебе в последний раз. Только писать придется тебе самой, если я стану писать за тебя, в этом не будет никакого искреннего чувства.

— Пишу, пишу! — Сяо Яньцзы тут же подбежала и усердно принялась растирать тушь: — Цзы Вэй, ты же знаешь... я... я совсем не умею писать... — Она сморщила нос, скорчив умопомрачительно жалкую гримасу.

— Ничего страшного, — Цзы Вэй тоже взяла кисть, обмакнула ее в тушь, — я буду говорить, а ты — писать. Если что-то совсем не будешь знать, я напишу рядом, а ты просто перерисуешь. Но главную мысль ты должна продумать сама, и слова тоже должны быть твоими.

При свете свечей девушки склонились головами друг к другу и снова принялись за работу.

Когда Сяо Яньцзы в бесчисленный раз скомкала неудавшийся листок и швырнула его в корзину для бумаг, та уже почти заполнилась — кривые, косые «Эр Тай», обрубленные «ты», а также целые ворохи чернильных клякс и каракуль.

— Ой-ой-ой! — Она уткнулась лицом в развернутую бумагу сюаньчжи, испустив приглушенный стон, отчего жемчужная шпилька в волосах снова затряслась. — Эта кисть в тысячу раз труднее меча! Нет, в десять тысяч, в миллион раз!

Цзы Вэй стояла рядом, ее глаза светились нежностью, и она бросила взгляд на последний «трофей» — три горизонтальные черты в иероглифе Тай были выписаны криво-косо, а нижняя часть и вовсе распалась надвое так широко, что хоть лошадей гоняй.

— В первый раз взялась за кисть и уже так здорово получается, — с мягким утешением произнесла Цзы Вэй, забрала из ее вспотевшей руки кисть с жестким ворсом, взяла другую, мягкую, обмакнула в тушь и легонько отжала излишки: — Давай я научу. Расслабь запястье, держи пальцы вот так...

Она встала позади Сяо Яньцзы, слегка наклонилась и мягко положила свою правую руку поверх пальцев Сяо Яньцзы, державших кисть.

— Кисть послушна, ее легко контролировать. — Голос Цзы Вэй звучал рядом, ровный и четкий. — Смотри, начинай черту вот так, води плавно, здесь задержишься на мгновение, а потом подними... — Она вела руку Сяо Яньцзы, заставляя ее медленно двигаться по бумаге, и кончик кисти оставлял на бумаге ровный и плавный след, складывающийся в аккуратный иероглиф Эр.

— Попробуешь сама? — Цзы Вэй разжала пальцы и отступила на полшага.

Сяо Яньцзы глубоко вздохнула, словно отправляясь в бой. Вспомнив подсказку Цзы Вэй, она неуклюже перехватила пальцы и крайне медленно, чуть ли не тыча в бумагу, вывела первую черту. Криво.

Она покраснела и хотела было стереть, но Цзы Вэй удержала ее руку: — Не спеши, пиши дальше. В первом письме главное — искренность, а не аккуратность.

Сяо Яньцзы почесала затылок, махнула рукой на все и продолжила: — Ну... Эр Тай! У тебя сильно болит спина? Ты вовремя пьешь лекарство? Оно, наверное, ужасно горькое? Вкусно ли готовят пирожные Минъюэ? Они сладкие? Помогают?

Цзы Вэй слушала и одновременно записывала на другом листке то, что говорила Сяо Яньцзы, а затем протянула лист ей: — Вот, перепиши все слово в слово.

Сяо Яньцзы глубоко вздохнула и, будто столкнувшись со страшным врагом, вцепилась в кисть, приступая к своему шедевру.

Всего около тридцати с небольшим знаков, но весь лист был исписан из конца в конец, тушь легла неравномерно, иероглифы различались по размеру, а строки шли вкривь и вкось.

Никакого обращения, никаких заключительных пожеланий и даже намека на правильную структуру предложений — все прямолинейно, как ее привычные наскоки. И все же от этих нескольких строчек, выглядевших столь жалко и убого, сердце Цзы Вэй оттаяло.

— Написала? — Сяо Яньцзы наклонилась ближе, с тревогой вглядываясь в лицо Цзы Вэй. — Он... он поймет? Не решит ли, что у меня ужасный почерк, и не станет читать?

— Поймет. — Цзы Вэй уверенно кивнула и бережно сложила листок с посланием. — Раз искренность на месте, какая разница, что почерк неказист?

<http://bllate.org/book/22027/2290101>